

подозвал невестку, что-то ей проговорил, и она принесла бутылку вина. До этого эпизода вина на застолье не было. В течение нескольких часов мы поедали удивительное по вкусу конское мясо. Отвар с рук, которыми мы брали из чана мясо, стекая, облизывался нашими ртами. По окончании мясопоедания мы пили чай со сливками. Застольная трапеза продолжалась до рассвета. После неё я к 9 часам прибыл в овцеводческое хозяйство, расставил студентов по рабочим местам и отправился на другое отделение совхоза.

Добираться приходилось попутным транспортом. Один раз я ехал 20 км на бочке бензовоза, второй раз, пройдя около 5 км, меня догнал мотоциклет, за рулём которого сидел немец, а пассажиром был чеченец. Выяснив, кто я и куда направляюсь, он высадил чеченца, предложил подождать его возвращения, а меня повёз в пункт назначения. Где-то километров через 10-12 мы встретили директора совхоза т. Волкова с первым секретарём Баянаульского райкома т. Макиным. Они пересадили меня с мотоцикла в свою машину. И в дальнейшем мне приходилось перемещаться от отделения к отделению на попутном транспорте.

Секретарь райкома и директор совхоза определяли сроки окончания посевной компании, причём т. Макин сам производил расчёты, исходя из производительности агрегатов (скорость на ширину захвата), способом, который я преподавал своим студентам на занятиях по организации эксплуатации машинотракторного парка.

Жил я у заведующего отделением совхоза Жумакова. Селение представляло деревню русского типа. Старик-казах ко мне отнёсся с неудовольствием, спросив, где я буду питаться, на что я ответил:

- У вас.

Место расположения казахского селения было удивительно прекрасным. Вблизи небольшие долины со скалистыми пригорками, вдали просматривались отроги Баянаульского хребта, мелкосопочки, по которым, стремглав, перемещались дикие козы сайгаки.

В начале июня посевная закончилась, и нас вывезли в г. Экибастуз, из которого железнодорожным транспортом доехали